

ПОЛЯ РАЗМАГНИЧИВАНИЯ КРИСТАЛЛИТОВ И СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ ТЕРМОДИНАМИЧЕСКОГО ПОЛЯ КВАЗИМОНОКРИСТАЛЛИЧЕСКИХ И ПОЛИКРИСТАЛЛИЧЕСКИХ ТОНКИХ ДИСКОВ $YBa_2Cu_3O_{7-x}$

Х. Р. Ростами*

*Фрязинский филиал Института радиотехники и электроники им. В. А. Котельникова Российской академии наук
141190, Фрязино, Московская обл., Россия*

Поступила в редакцию 27 июня 2007 г.,
после переработки 16 апреля 2008 г.

Исследована роль полей размагничивания кристаллитов в ВТСП-образцах. Показано, что рост размеров кристаллитов приводит к подавлению межкристаллитного и внутрикристаллитного критических токов в более слабых полях. Обнаружено, что поля размагничивания кристаллитов являются одной из основных причин несоблюдения модели Бина в ВТСП. Предложен способ измерения термодинамического поля сверхпроводников, позволяющий с высокой точностью определить характерные значения термодинамических первых критических магнитных полей образца, кристаллитов и субкристаллитов. По измеренным значениям термодинамических первых критических магнитных полей оценены величины плотности критического тока J_c образца, кристаллитов и субкристаллитов.

PACS: 74.25.Na, 74.25.Qt, 74.25.Sz

1. ВВЕДЕНИЕ

Создание высокотемпературных сверхпроводников (ВТСП) с плотностью критического тока J_c , близкой к плотности критического тока распаривания Гинзбурга–Ландау, является весьма важной задачей как с фундаментальной, так и с прикладной точки зрения [1–6]. Технологически гораздо проще и дешевле синтезировать поликристаллические ВТСП-образцы нужной формы и размеров. Однако величина J_c в ВТСП-поликристаллах существенно меньше, чем в ВТСП-монокристаллах и эпитаксиальных пленках [3–6], что ограничивает их широкое применение на практике. Известно [1, 7], что причиной низкой плотности критического тока поликристаллических ВТСП являются малые токи слабых связей, соединяющих кристаллиты. Для повышения J_c поликристаллов очень важно изучить физические процессы, происходящие внутри самих кристаллитов [8, 9], так как именно кристаллиты имеют наиболее высокие критические параметры. Физиче-

ские процессы, происходящие в межкристаллитной джозефсоновской среде [10], хорошо изучены. Однако конкретные характеристики структуры кристаллитов и физические процессы, происходящие внутри кристаллитов, недостаточно изучены. Известно [1], что в кристаллитах также имеется иерархия слабых связей и кристаллиты могут иметь более мелкую, субкристаллитную структуру. Предполагается, что такое мелкое деление может быть связано с существованием границ двойникования в кристаллитах ВТСП. Установлено, что в кристаллитах поликристаллов $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ границы двойникования могут находиться друг от друга на расстоянии нескольких сотен ангстрем. В настоящее время не существует методики, позволяющей отчетливо выделить эти субкристаллиты и измерить их критические параметры путем измерения токовых и магнитных характеристик образцов. Кроме этого, при обработке результатов измерения токовых и магнитных характеристик ВТСП-материалов при помощи традиционных методик обычно не принимается во внимание влияние локальных полей размагничивания кристаллитов на плотность критического тока

*E-mail: rostami@ms.ire.rssi.ru

J_c из-за отсутствия полной информации о конкретной форме, размерах, ориентации и взаиморасположении кристаллитов. Отсутствует также и единая аналитическая модель критического состояния для жестких сверхпроводников второго рода, позволяющая определить J_c из экспериментальных результатов. Разработанные аналитические модели критического состояния лишь по отдельности учитывают влияние на J_c магнитного поля [11], анизотропии образца [12], нелокальных эффектов [13] и т. д. Имеются только численные модифицированные модели критического состояния, учитывающие влияние на J_c формы образца и размагничивающего фактора образца, изменяющегося в процессе проникновения поля в образец [14].

При наличии информации о величине полей размагничивания, их зависимости от внешнего поля, температуры, размеров и пространственного распределения кристаллитов можно установить величину, пространственное распределение, а также полевую и температурную зависимости термодинамического поля H_i [15]. Это, в свою очередь, упростит процедуру расчета J_c , повысит ее точность и позволит более глубоко изучить физические процессы, происходящие в кристаллитах. Исходя из изложенного выше, разработка методики точной диагностики ВТСП-поликристаллов, позволяющей изучать распределение поля вокруг образца и его отдельных кристаллитов, представляется актуальной [8]. В данной работе путем исследования влияния размеров кристаллитов на зависимость эффективного (усредненного) размагничивающего фактора образца n_{eff} от внешнего магнитного поля H_0 изучено влияние полей размагничивания кристаллитов на величину межкристаллитных и внутрикристаллитных критических токов.

Целью работы является разработка методики исследования полей размагничивания кристаллитов, измерение магнитолевой зависимости термодинамического магнитного поля образца и определение термодинамических первых критических магнитных полей и величин J_c образца, кристаллитов и субкристаллитов.

2. ПОЛЯ РАЗМАГНИЧИВАНИЯ И ТЕРМОДИНАМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Известно [16, 17], что поле внутри однородного магнитного образца эллипсоидальной формы, помещенного во внешнее однородное поле $\mathbf{H}_0$, направленное вдоль одной из главных осей эллипсоида, одно-

родно, параллельно внешнему полю на бесконечности и равно $\mathbf{H}_i = \mathbf{H}_0 - 4\pi n\mathbf{I}$. Здесь n — размагничивающий фактор образца, а $\mathbf{I}$ — намагниченность образца. «Внутреннее», или максвелловское поле $\mathbf{H}_i$ не имеет непосредственного физического смысла, так как внутри образца его невозможно измерить. Однако $\mathbf{H}_i$ может рассматриваться как формальная величина, связанная с индукцией $\mathbf{B}$ в образце и с внешним полем $\mathbf{H}_0$ соотношением

$$(1 - n)\mathbf{H}_i = \mathbf{H}_0 - n\mathbf{B}. \quad (1)$$

При помещении массивного сверхпроводника в слабое внешнее магнитное поле на поверхности образца индуцируются экранирующие токи, которые создают поле размагничивания $\mathbf{H}_D$, направленное против внешнего магнитного поля $\mathbf{H}_0$ и компенсирующее его внутри образца. Следовательно, внутри сверхпроводника имеется поле $\mathbf{H}_i = \mathbf{H}_0 - \mathbf{H}_D$. Для эллипсоидального образца $\mathbf{H}_D = 4\pi n\mathbf{I}$, где $\mathbf{I} = \mathbf{M}/V$ — эффективная намагниченность образца, $\mathbf{M}$ — магнитный момент сверхпроводника, созданный экранирующими токами, а V — объем образца. Поскольку в мейснеровском состоянии внутри сверхпроводника $\mathbf{B} = 0$, из выражения (1) следует, что $\mathbf{H}_i = \mathbf{H}_0/(1 - n)$.

Согласно граничным условиям теории Максвелла, поле на границе сверхпроводника с вакуумом имеет только непрерывную тангенциальную компоненту, т. е. вблизи поверхности эллипсоидального образца эффективное магнитное поле $H_{eff} = H_i \sin \varphi = H_0/\sin \varphi(1 - n)$. Здесь φ — угол между полем $\mathbf{H}_0$ и нормалью к поверхности сверхпроводника в данной точке [17]. Таким образом, когда внешнее поле направлено вдоль одной из осей эллипсоидального образца, эффективное поле максимально на экваторе, $H_{eff} = H_i = H_0/(1 - n)$, т. е. на экваторе поле размагничивания суммируется с внешним полем.

Поскольку вблизи поверхности образца роль находящегося в термодинамически равновесных условиях внешнего эффективного поля H_{eff} начинает играть внутреннее поле H_i [16], в литературе по сверхпроводимости вместо понятия максвелловское, или внутреннее поле часто используется понятие термодинамического поля $\mathbf{H}_i = 4\pi\partial F/\partial\mathbf{B}$, где F — плотность свободной энергии сверхпроводника [14, 18, 19]. В сверхпроводниках второго рода при $H_{eff} = H_i = H_0/(1 - n) = H_{c1}$ (первое критическое магнитное поле образца) вихри проникают в образец. Однако из-за изменения размагничивающего фактора образца по мере проникновения поля в

образец и из-за того, что конфигурация поля H_i внутри образца неизвестна, значения термодинамического поля внутри сверхпроводников второго рода в критическом состоянии можно было определить только численно [14].

Согласно изложенному выше и как показано в работе [14], для эллипсоидального образца из сверхпроводника второго рода вихревой фронт проникает в образец до глубины, при которой величина термодинамического поля H_i сравнивается с H_{c1} . Внутренняя область с более высоким значением H_{c1} находится в мейснеровском состоянии, свободном от вихрей ($B = 0$). С ростом внешнего поля профиль термодинамического поля с экватора постепенно сжимается к оси образца. Отсюда следует, что измерение значений n и B при заданном поле H_0 позволит определить профиль термодинамического поля H_i и проследить за процессом проникновения вихрей в образец и за ходом движения вихрей в глубь образца. Для применения формулы (1) к сверхпроводникам второго рода в смешанном состоянии необходимо, чтобы образец состоял из однородно распределенных одинаковых магнитных моментов — диполей. Такая ситуация может создаться в ВТСП-образцах в области насыщения захваченного магнитного потока в кристаллитах, когда сверхпроводимость слабых связей подавляется полями рассеяния абрикосовских вихрей, захваченных в кристаллитах. В образце сверхпроводящими остаются только «изолированные» друг от друга кристаллиты, в которых справедлива модель Бина ($J_{cg} = \text{const}$). В этом случае $H_i = H_0/(1 - n_{eff})$. Эффективный размагничивающий фактор образца равен

$$n_{eff} = \frac{1}{k} \sum_{k=1}^N n_k,$$

где n_k — размагничивающий фактор кристаллитов, а k — число кристаллитов в образце. Отсюда видно, что по зависимости $n_{eff}(H_0)$ можно установить зависимость $H_i(H_0)$. Поскольку эти зависимости следят за движением границы раздела между областями, занятыми вихрями, и мейснеровскими областями, свободными от вихрей, можно сделать следующее предположение. При проникновении вихрей в образец или при одновременном проникновении вихрей в большое число кристаллитов или субкристаллитов с близкими размагничивающими факторами на зависимости $n_{eff}(H_0)$ должны появляться заметные особенности. Таким образом, по значениям H_0 , при которых на зависимости $n_{eff}(H_0)$ возникают особенности, можно определить значе-

ния термодинамических первых критических магнитных полей образца, кристаллитов и субкристаллитов, $H_{ic1} = H_i = H_0/(1 - n_{eff})$.

3. ОБРАЗЦЫ И МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА

Для одновременного учета полей размагничивания всех кристаллитов, а также для минимизации влияния на них краевых эффектов, вызванных внешней поверхностью образца, величина n_{eff} измерялась в центре на поверхности образца. При этом для выявления отклика непосредственного взаимодействия внешнего магнитного поля с образцом и его отдельными кристаллитами измерялась индукция B и плотность захваченного магнитного потока B_{tr} в двух режимах: ZFC (zero field cooling) — это режим охлаждения образца в нулевом магнитном поле с последующим включением внешнего поля, и ZFCMFA (zero field cooling with magnetic flux accumulation) — это режим охлаждения в нулевом магнитном поле с последующим накоплением магнитного потока при ступенчатом росте внешнего поля (подробное описание см. ниже). Ранее нами демонстрировалась возможность измерения эффективного размагничивающего фактора n_{eff} образца на примере тонких дисков $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$ [20]. Было получено, что

$$n_{eff} = \frac{1}{4\pi} \frac{H_{i1} - H_{i2}}{B_{tr2} - B_{tr1}}.$$

Здесь H_{i1} , H_{i2} — термодинамические магнитные поля, B_{tr1} и B_{tr2} — плотности захваченного магнитного потока, измеренные соответственно в режимах ZFC и ZFCMFA. Измерения проводились при температуре жидкого азота в стационарных магнитных полях до 750 Э на квазиоднокристаллических и поликристаллических тонких дисках $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$ датчиком Холла с размером рабочей области 50×50 мкм² и чувствительностью приблизительно 200 мкВ·мТл⁻¹. Установка позволяла перемещать образец радиально и по оси по отношению к датчику Холла. Технология получения квазиоднокристаллических плавленых текстурированных образцов $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$ (с размером кристаллитов около 0.1 см²) и поликристаллических (нетекстурированных) 1-2-3-образцов (со средним размером кристаллитов около 1 мкм) описана ранее [20]. Температура и ширина сверхпроводящего перехода (T_c и ΔT_c) образца, находящегося внутри микросоленоида ($L \approx 330$ мкГн), измерялись резонансным измерителем индуктивности L в частотном диа-

пазоне 110–155 кГц. Из температурной зависимости индуктивности, $L(T)$, для квазимонокристаллических и поликристаллических образцов было получено $T_c \approx 92$ К, а $\Delta T_c \approx 1$ К и $\Delta T_c \approx 4$ К, соответственно. Зависимость плотности захваченного потока B_{tr} от внешнего поля H_0 измерялась следующим образом.

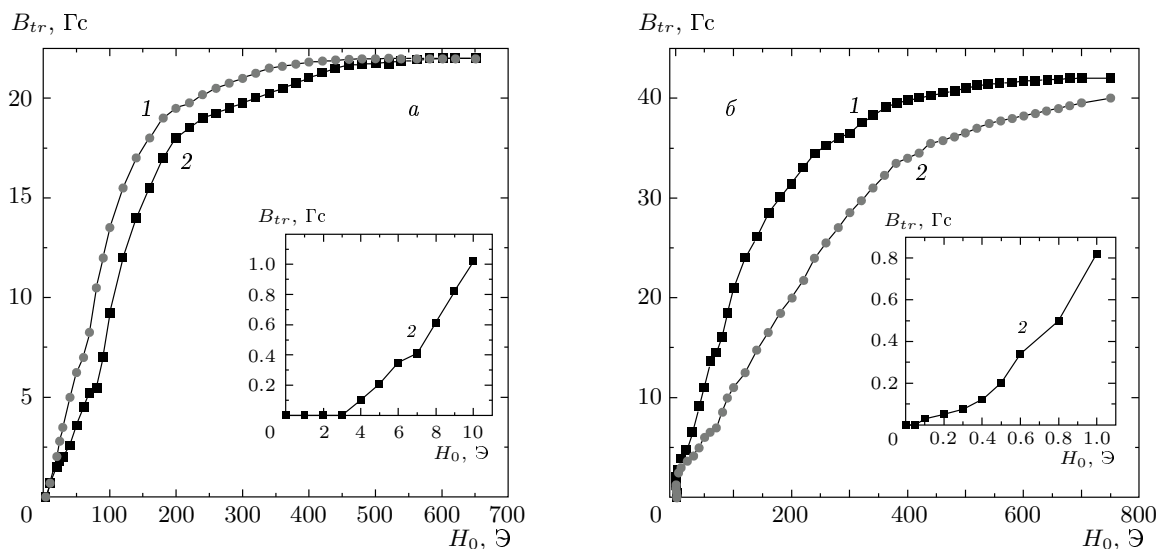
а) Режим ZFC — образец охлаждался до температуры жидкого азота в нулевом магнитном поле, затем подавалась ступенька внешнего магнитного поля и через 10 мин (после релаксации составляющей B_{tr} , связанной с вязким течением потока и процессами установления жестко укрепленной вихревой решетки) в центре на поверхности образца измерялась величина B_{tr} . Далее образец нагревался до температуры $T > T_c$, и эксперимент повторялся для другой ступеньки H_0 . В данном случае обеспечивается непосредственное взаимодействие поля с образцом, позволяющее определить размагничивающий фактор образца из результатов измерений. Размагничивающий фактор образца в направлении поля, $n = 1 - \pi d/D$, также определялся геометрией образца, находящегося в мейснеровском состоянии. Здесь d и D — соответственно толщина и диаметр образца.

б) Режим ZFCMFA отличается от режима ZFC тем, что после первоначального захвата без изменения величины B_{tr} и без нагревания образца подавалось поле H_0 следующей ступени, через 10 мин измерялась суммарная плотность захваченного потока B_{tr} и т. д. В данном случае величина ступеней монотонно увеличивалась шаг за шагом на равные величины. Такой подход был применен с целью поэтапного разрушения слабых связей полями рассеяния захваченных в образце вихрей и, по возможности, обеспечения взаимодействия внешнего поля с отдельными кристаллитами. Вычитание величины B_{tr} , измеренной в режиме ZFC, из величины B_{tr} , измеренной в режиме ZFCMFA, позволяет исключить влияние поверхностного барьера [21], а также краевого и объемного пиннингов на результаты измерений и выделить составляющие, связанные с мейснеровскими экранирующими токами образца, кристаллитов и субкристаллитов. Таким образом, для образца, находящегося в смешанном состоянии, создается возможность раздельного определения величин n и n_{eff} . Поле размагничивания H_D в режимах ZFC и ZFCMFA также непосредственно измерялось при помощи двух близких по техническим характеристикам датчиков Холла, находящихся в одной плоскости и включенных в противофазе. Первый датчик измерял индукцию в центре на поверхности образ-

ца, а второй датчик находился вдали от образца и измерял невозмущенное образцом внешнее однородное магнитное поле. В результате вычитания выходных сигналов датчиков возникал сигнал, соответствующий $H_D(H_0)$. Компонента магнитного поля Земли H_z компенсировалась катушкой, коаксиальной соленоиду, задающему внешнее магнитное поле. Методика и установка подробно описаны в работах [20, 22].

4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

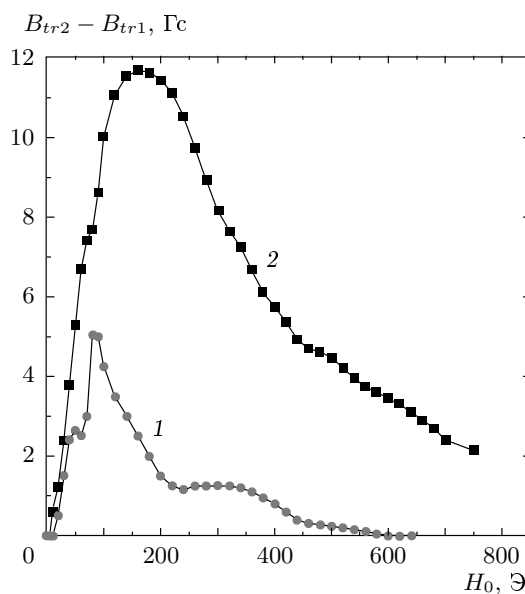
На рис. 1 приведены типичные магнитопольные зависимости плотности захваченного магнитного потока для квазимонокристаллических и поликристаллических 1-2-3-образцов $YBa_2Cu_3O_{7-x}$. Как видно из рис. 1, кривые 1, измеренные в режиме ZFCMFA, проходят гораздо выше, чем кривые 2, измеренные в режиме ZFC. Это связано с тем, что в режиме ZFCMFA перед подачей очередной ступени магнитного поля запоминается магнитный поток, захваченный на предыдущей ступени. В режиме ZFCMFA происходит снижение краевого барьера за счет частичной компенсации мейснеровских экранирующих токов токами пиннинга, а также частичного подавления токов слабых связей захваченным потоком. Таким образом, создается возможность проникновения в образец вихрей при более низких полях по сравнению с режимом ZFC. На начальном этапе образец находится в мейснеровском состоянии и обе кривые совпадают. С ростом внешнего поля влияние размагничивающих факторов кристаллитов становится все сильнее, что приводит к расхождению кривых. После постепенного уменьшения влияния размагничивающих полей кристаллитов на процесс проникновения и захвата магнитного потока кривые снова сливаются. Согласно рис. 1 (кривые 2 на вставках), для квазимонокристаллического образца величина первого критического магнитного поля равна $H_{c1} = H_0/(1 - n) \approx 3.9$ Э, а для поликристаллического образца $H_{c1} \approx 0.2$ Э. Насыщение зависимости $B_{tr}(H_0)$ для квазимонокристаллического образца наступает при более низких полях ($H_0 \approx 550$ Э), чем для поликристаллического образца ($H_0 > 750$ Э). Величина максимальной плотности захваченного магнитного потока составляет $B_{tr}^{max} \approx 23.2$ Гс для квазимонокристаллического образца и $B_{tr}^{max} \approx 43.5$ Гс для поликристаллического образца. Полученные характеристики показывают, что, в отличие от поликристаллического образца, квазимонокристаллический образец имеет более высокое значение плотности межкристаллитно-

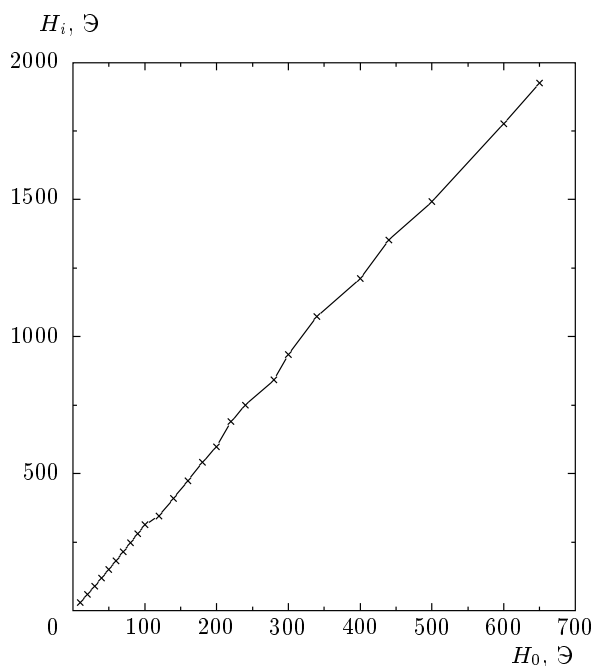
Рис. 1. Типичные магнитопольевые зависимости плотности захваченного магнитного потока B_{tr} для квазимонокристаллического образца $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 0.7$ мм (а) и для поликристаллического образца $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 2$ мм (б): кривые 1 — режим ZFCMFA; 2 — режим ZFC. Температура 77.4 К. На вставках приведены начальные участки кривых 2

го критического тока J_{cJ} , сравнительно узкий энергетический спектр распределения центров пиннинга и обладает высоким краевым барьером и низким объемным пиннингом [23].

На рис. 2 приведена зависимость разности плотностей захваченных магнитных потоков, которая пропорциональна зависимости эффективного размагничивающего фактора образца $n_{eff}(B_{tr}) = F(B)/(B_{tr2} - B_{tr1})$ от внешнего поля H_0 , где $F(B) = (H_{i1} - H_{i2})/4\pi$. Зависимость на рис. 2 получена вычитанием кривых 2 из кривых 1, приведенных на рис. 1. Кривая 1 на рис. 2 позволяет четко выявить величины следующих полей: первого критического магнитного поля межкристаллитной среды $H_{c1J} \approx 3$ Э, поля установления критического состояния межкристаллитной среды $H_{cJt} \approx 50$ Э, первого критического магнитного поля кристаллитов $H_{c1g} \approx 60$ Э и ряд значений субкристаллитных первых критических магнитных полей (примерно 240, 320, 460, 600 Э и т.д.). Полученные значения H_{c1J} , H_{cJt} и H_{c1g} хорошо согласуются с литературными данными [24, 25]. Как видно из рис. 1, из кривых 1 и 2 невозможно четко определить значения полей H_{cJt} , H_{c1g} и субкристаллитных первых критических магнитных полей. Кривые на рис. 2 позволяют точно определить значения этих полей, так как при вычитании кривых определяющими являются мейснеровские экранирующие

Рис. 2. Зависимости разности плотностей захваченных магнитных потоков от внешнего поля H_0 (объяснение см. в тексте). Кривая 1 соответствует квазимонокристаллическому образцу $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 0.7$ мм; 2 — поликристаллическому образцу $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 2$ мм. Температура 77.4 К

Рис. 3. Магнитолевая зависимость термодинамического магнитного поля для квазимонокристаллического образца $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 0.7$ мм. Температура 77.4 К

токи. Когда функция распределения кристаллитов по размерам имеет сильно выраженные максимумы, на магнитолевой зависимости эффективного размагничивающего фактора образца, $n_{eff}(H_0)$, сильнее выделяются характерные поля (рис. 2, кривая 1), а когда функция имеет плавный характер, характерные поля проявляются слабее (рис. 2, кривая 2). В случае рис. 1 происходят непрерывный цикл захвата вихрей и постепенное заполнение межкристаллитного пространства вихрями вплоть до порога проникновения вихрей в кристаллиты, благодаря чему кривые имеют плавный монотонно растущий характер.

На рис. 3 для квазимонокристаллического образца $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$, находящегося в смешанном состоянии, приведена магнитолевая зависимость термодинамического поля, рассчитанная по формуле $H_i = H_0 / (1 - n_{eff})$. Алгоритм расчета n_{eff} приведен в работе [20]. С ростом внешнего поля профиль термодинамического поля постепенно сжимается вокруг областей с наиболее высокими критическими параметрами (H_{c1i} , J_{ci} , T_{ci}). Из зависимости $H_i(H_0)$ можно более точно определить H_{c1J} , H_{c1t} , H_{c1g} и значения субкристаллитных первых критических магнитных полей. Уточненные поля яв-

ляются термодинамическими первыми критическими магнитными полями внутри образца. Как видно из рис. 3, значения термодинамических первых критических магнитных полей H_{ic} , рассчитанные с учетом полей размагничивания образца, кристаллитов и субкристаллитов, существенно превосходят соответствующие первые критические магнитные поля, не учитывающие поля размагничивания. Различие между первым критическим магнитным полем и термодинамическим первым критическим магнитным полем также было продемонстрировано в работах [14, 26]. Измеренному значению первого критического магнитного поля субкристаллитов, равному 600 Э, соответствует расчетное значение термодинамического первого критического магнитного поля $H_{ic1} \approx 2.3 \cdot 10^3$ Э, что хорошо согласуется с теоретическим значением $H_c \approx 2.4 \cdot 10^3$ Э [27]. Известно [2], что мейснеровские поверхностные токи можно определить по формуле

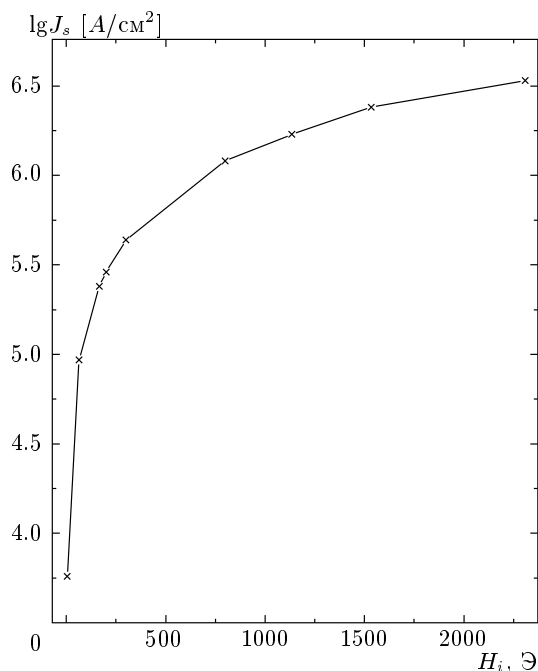
$$J_s = (cH_0/4\pi\lambda) e^{-x/\lambda}, \quad (2)$$

где λ — глубина проникновения поля в образец, c — скорость света, x — координата, отсчитываемая от поверхности образца. Подставляя в формулу (2) вместо H_0 значение термодинамических первых критических магнитных полей H_{ic} , можно оценить величины мейснеровских экранирующих токов образца, кристаллитов и субкристаллитов для $x = \lambda = 0.2$ мкм.

На рис. 4 в полулогарифмическом масштабе приведена зависимость плотности мейснеровского экранирующего тока J_s от поля H_i для квазимонокристаллического образца $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$. Как видно из рис. 4, мейснеровский экранирующий ток нелинейно зависит от поля. С ростом поля значение J_s меняется от $5.7 \cdot 10^3$ А/см² для образца до $3.4 \cdot 10^6$ А/см² для субкристаллитов.

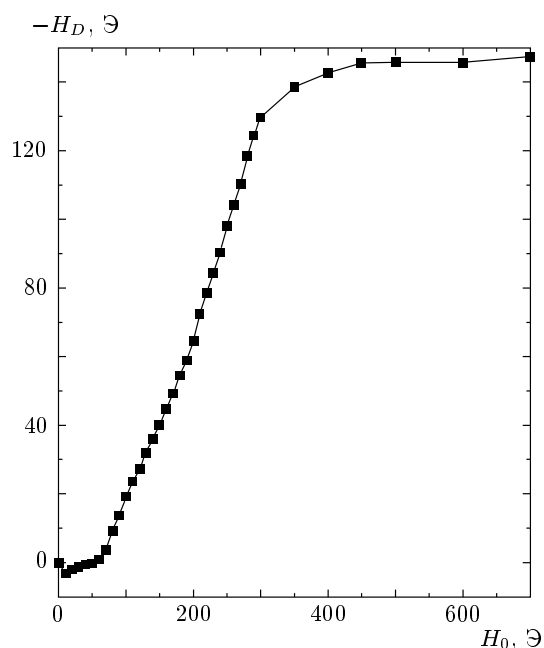
На рис. 5 приведена магнитолевая зависимость поля размагничивания H_D для квазимонокристаллического образца $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$, на которой видны особенности в районе полей $H_0 \approx 60, 200, 320, 450, 600$ Э, что неплохо согласуется с характерными значениями описанных выше полей H_0 .

На рис. 6 приведена зависимость плотности захваченного магнитного потока B_{tr} от внешнего магнитного поля H_0 для сильно неоднородного поликристаллического образца $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$. Измерение зависимости $L(T)$ показало, что переход образца в сверхпроводящее состояние начинается при $T_c \approx 92$ К и продолжается примерно до 86 К по закону, близкому к экспоненциальному. Далее начинается резкий спад индуктивности до температуры 84 К,

Рис. 4. Зависимость мейснеровского экранирующего тока J_s от термодинамического магнитного поля для квазимонокристаллического образца $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 0.7$ мм. Температура 77.4 К. Точки на кривой соответствуют значениям J_s , рассчитанным для характерных значений H_i , при которых на кривой 1 на рис. 2 появляются особенности

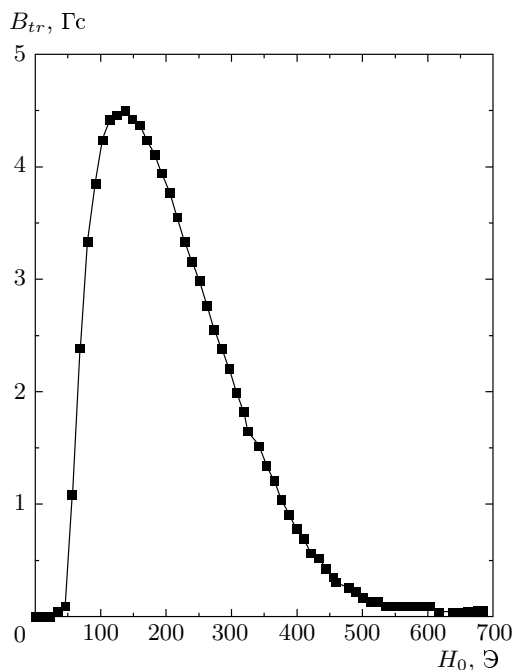
который составляет около 90 % от всего перехода. Затем индуктивность продолжает плавно убывать до температуры 78 К. Как видно из рис. 6, величина плотности захваченного магнитного потока с ростом поля растет, проходит через максимум и убывает до нуля. Такой результат наблюдался в разных точках образца при радиальном перемещении образца по отношению к датчику Холла. Спад величины B_{tr} до нуля может являться результатом подавления токов макроскопических контуров, образованных кристаллитами, соединенными между собой слабыми джозефсоновскими связями под действием полей рассеяния абрикосовских вихрей, захваченных в кристаллитах. Для выяснения этого вопроса мы решили обрывать слабые связи между кристаллитами механическим образом. Для этого мы размолотили этот образец на мелкие частицы. Полученный порошок прессовали в тefлоновую тонкостенную ампулу и далее при помощи датчика Холла и измерителя индуктивности измеряли магнитопольные зависимости B_{tr} и остаточной индуктивности. Датчик Холла в преде-

Рис. 5. Магнитопольная зависимость поля размагничивания H_D для квазимонокристаллического образца $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ диаметром $D = 9$ мм и толщиной $d = 3.5$ мм (из другой серии), измеренная при температуре 77.4 К в режиме ZFCMFA

лах точности измерения (чувствительность около 10^{-2} Гс) показал, что $B_{tr} = 0$ во всем диапазоне исследуемых полей. Однако измерение по индуктивности отчетливо демонстрировало захват потока в частицах. Полученные результаты можно объяснить следующим образом. Известно [25], что критический ток в ВТСП-поликристаллах при 77.4 К в полях до 100 Э убывает более чем на два порядка. В случае, когда локальные поля рассеяния абрикосовских вихрей, захваченных в кристаллитах, превышают характерное поле H_{0m} подавления межкристаллитного критического тока J_{cJ} , происходит разрушение слабых связей¹⁾. Как видно из рис. 6, для данного образца величина $B_{tr}^{max} = 4.5$ Гс, что значительно ниже H_{0m} . Следовательно, для подавления слабых связей локальные поля должны иметь более высокие значения, чем величина B_{tr} , измеренная при помощи датчика Холла. Высокие значения локальных полей обусловлены существенной разницей между внутрикристаллическими и межкристаллическими критическими токами, что приводит к значи-

¹⁾ Для $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ при температуре 77.4 К $H_{0m} \approx 22.5$ Э, а величина первого критического магнитного поля кристаллитов $H_{c1g} \approx 40$ Э [25].

Рис. 6. Магнитопольная зависимость плотности захваченного магнитного потока B_{tr} для сильнонеоднородного поликристаллического образца $\text{YBa}_2\text{Cu}_3\text{O}_{7-x}$ диаметром $D = 8$ мм и толщиной $d = 3.8$ мм, измеренная в режиме ZFCMFA. Температура 77.4 К

тельному отличию намагниченностей кристаллитов от намагниченности межкристаллитной среды, так как $\mathbf{J} = c \text{rot } \mathbf{I}$. Кроме того, поля рассеяния абрикосовских вихрей, захваченных в кристаллитах, в межкристаллитном пространстве значительно усиливаются полями размагничивания близлежащих кристаллитов. В результате уровень локальных полей становится достаточным для подавления слабых связей между кристаллитами, что приводит к распаду образца на «изолированные» кристаллиты, размеры которых существенно меньше размера рабочей поверхности датчика Холла [28].

Таким образом, полученные в данной работе результаты отчетливо показывают, что в таких пространственно-сильнонеоднородных сверхпроводниках, какими являются поликристаллические ВТСП-образцы, поля размагничивания образца, кристаллитов и субкристаллитов могут заметно повлиять на происходящие в них процессы проникновения (выхода), распределения и захвата магнитного потока.

5. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Как видно из рис. 1 и 2, несмотря на то что в квазиоднокристаллическом образце величина J_{cJ} примерно в $H_{c1}^{qmon}/H_{c1}^{poly} \approx 19.5$ раза превышает величину J_{cJ} в поликристаллическом образце, а уровень B_{tr}^{max} в поликристаллическом образце в два раза превышает уровень B_{tr}^{max} в квазиоднокристаллическом образце, зависимость эффективного размагничивающего фактора образца $n_{eff}(B_{tr})$ от внешнего поля H_0 для поликристаллического образца возрастает и убывает медленнее, чем в квазиоднокристаллическом образце. Такой результат связан с тем, что в кристаллитах с малым размагничивающим фактором сверхпроводимость подавляется слабее, чем в кристаллитах большого размера. Поскольку анизотропные кристаллиты также представляют собой джозефсоновские среды [1], состоящие из субкристаллитов разной формы и размеров, соединенных между собой сравнительно сильными джозефсоновскими связями, с ростом поля начинается разрушение слабых связей и разбиение кристаллитов на субкристаллиты. Об этом свидетельствуют многочисленные изломы и участки плато на рис. 2. Отметим, что аналогичные результаты были получены для квазиоднокристаллического и поликристаллического образцов одинакового размера из другой серии (см. рис. 3б в работе [20]). Итак, рост размеров кристаллитов приводит к подавлению плотности их критического тока J_{cg} в более низких полях. Таким образом, учитывая увеличение J_c при уменьшении размеров монокристаллических образцов [1] и имея в виду, что поле H_{c1} больше в мелкозернистых керамиках и убывает с увеличением размеров зерен [29], можно заключить следующее. Несмотря на увеличение J_{cJ} в текстурированных массивных поликристаллических образцах и эпитаксиальных пленках [3–6], за счет уменьшения угла разориентации кристаллитов и усиления влияния центров пиннинга, имеющихся на границе раздела подложки и пленки, укрупнение площадей кристаллитов приводит к уменьшению величины J_{cg} и увеличению ее отставания от максимального для ВТСП тока распаривания Гинзбурга – Ландау [8]. Очевидно, что рост размеров кристаллитов из-за увеличения концентрации поля вокруг кристаллитов также приведет к подавлению J_{cJ} в более слабых полях. Как видно из рис. 1 и 2, значения поля, при котором фронт магнитного потока достигает середины образца, равны $H_p \approx 50$ Э и $H_p \approx 80$ Э соответственно для квазиоднокристаллического и поликристаллического образцов, так как значения H_p и H_{c1} являются близки-

ми по значению величинами. Согласно модели Бина, $H_p = (2\pi/c)J_c J D$ [30]. Оценки H_p по этой формуле существенно расходятся с полученными результатами. Полученный результат показывает, что, несмотря на то что критический ток в квазимонокристаллическом образце примерно в 19.5 раз больше критического тока в поликристаллическом образце из-за больших размеров кристаллитов квазимонокристаллического образца, фронт магнитного потока достигает середины образца в более слабых полях, чем в поликристаллическом. Таким образом, учитывая 1) минимизацию степени влияния анизотропии образца на результаты измерения из-за использования в эксперименте текстурированных образцов, 2) исключение влияния на результаты измерения эффектов, связанных с поверхностным барьером, пиннингом и намагничиванием вихревой решетки, 3) единый закон магнитополовой зависимости плотности критического тока квазимонокристаллических и поликристаллических образцов [7], можно заключить, что поля размагничивания кристаллитов являются одной из основных причин [9] несоблюдения модели Бина в ВТСП-образцах [31].

Итак, полученные результаты приводят к следующим выводам.

1) Безусловно, поликристаллические соединения $YBa_2Cu_3O_{7-x}$ являются сложными трехмерными джозефсоновскими средами. Несмотря на то что параметр порядка в области контактов между кристаллитами сильно подавлен, в среднем критический ток высок из-за многочисленности контактов между кристаллитами.

2) Действительно, критические токи контактов сильно зависят от магнитного поля и собственного поля тока, и это является одним из основных факторов, препятствующих практическому применению поликристаллических образцов $YBa_2Cu_3O_{7-x}$.

3) Ситуацию можно существенно улучшить путем создания текстурированных ВТСП-материалов с кристаллитами малых размеров и обеспечением пространственно-однородного распределения локального размагничивающего фактора по периметру кристаллитов.

4) Для повышения плотности критического тока также необходим компромисс между размагничивающим фактором кристаллитов, величиной краевого барьера, силами объемного пиннинга и ориентацией кристаллитов.

Однако следующие вопросы остаются открытыми:

а) является ли более высокий критический ток субкристаллитов следствием только уменьшения их

размагничивающего фактора или одновременно с уменьшением размеров кристаллитов улучшается качество контактов между ними;

б) является ли длина когерентности нижним пределом размера кристаллитов, при которой отсутствуют слабые связи.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, предложена альтернативная, более информативная методика диагностики ВТСП-поликристаллов, позволяющая на основе измерения магнитополовой зависимости эффективно размагничивающего фактора образца, $n_{eff}(H_0)$, с высокой точностью измерять характерные значения термодинамических первых критических магнитных полей H_{ic} образца, его кристаллитов и субкристаллитов. По измеренным значениям термодинамических первых критических магнитных полей оценены величины мейснеровских экранирующих токов образца, кристаллитов и субкристаллитов. Показано, что рост размеров кристаллитов приводит к подавлению внутрикристаллитного и межкристаллитного критических токов образца в более слабых полях. Обнаружено, что, несмотря на примерно 19.5-кратное превышение критического тока в квазимонокристаллическом образце по сравнению с поликристаллическим образцом из-за больших размеров кристаллитов квазимонокристаллического образца, фронт магнитного потока достигает середины образца в более слабых полях, чем в поликристаллическом. Показано, что при минимизации степени влияния анизотропии образца на величину J_c поля размагничивания кристаллитов являются одной из основных причин несоблюдения модели Бина в ВТСП-образцах. Проводя трехмерное сканирование образца холловским микроскопом [22], можно построить топограммы распределения тока в образце и полей внутри и вокруг образца и определить распределение размагничивающих факторов кристаллитов. Этим способом можно точно оценить значения H_i , H_{c1} , J_c и их локальные величины H_{ii} , H_{c1i} , J_{ci} .

ЛИТЕРАТУРА

1. *Физические свойства высокотемпературных сверхпроводников*, под ред. Д. М. Гинзберга, Мир, Москва (1990).
2. В. В. Шмидт, *Введение в физику сверхпроводников*, МЦНМО, Москва (2000).

3. В. М. Пан, ФНТ **32**, 1039 (2006).
4. A. S. Mel'nikov, Yu. N. Nozdrin, I. D. Tokman et al., Phys. Rev. B **58**, 11672 (1998).
5. M. W. Rupich, U. Schoop, D. T. Verebelyi et al., IEEE Trans. Appl. Supercond. **13**, 2458 (2003).
6. M. S. Hatzistergos, H. Efstathiadis, E. Lifshin et al., IEEE Trans. Appl. Supercond. **13**, 2470 (2003).
7. А. А. Жуков, В. В. Мошталков, СФХТ **4**, 850 (1991).
8. Kh. R. Rostami, *MT 20 — the 20th Int. Conf. on Magnet Technology*, August 27–31, 2007, Philadelphia, Pennsylvania, USA, Program and Abstracts, № 5105.
9. Kh. R. Rostami, *20th Int. Symp. on Superconductivity (ISS)*, November 5–7, 2007, Tsukuba, Japan, Program and Abstracts, PCP-46, p. 77.
10. Э. Б. Сонин, Письма в ЖЭТФ **47**, 415 (1988).
11. В. Р. Карасик, Н. Г. Васильев, В. Г. Ершов, ЖЭТФ **59**, 790 (1970).
12. В. В. Мошталков, А. А. Жуков, Л. И. Леонюк и др., СФХТ **2**(12), 84 (1989).
13. В. С. Горбачев, С. Е. Савельев, ЖЭТФ **109**, 1387 (1996).
14. V. M. Krasnov, V. A. Larkin, and V. V. Ryazanov, Physica C **174**, 440 (1991).
15. Х. Р. Ростами, *Конференция по физике конденсированного состояния, сверхпроводимости и материаловедению*, 26–30 ноября 2007 г., Российский научный центр «Курчатовский институт», Москва, Россия. Сборник тезисов докладов, с. 218.
16. А. А. Абрикосов, *Основы теории металлов*, Наука, Москва (1987).
17. Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц, *Электродинамика сплошных сред*, Наука, Москва (1992).
18. П. де Жен, *Сверхпроводимость металлов и сплавов*, Мир, Москва (1968).
19. А. Н. Артемов, Письма в ЖЭТФ **68**, 460 (1998).
20. Х. Р. Ростами, ЖЭТФ **128**, 760 (2005).
21. C. P. Bean and J. D. Livingston, Phys. Rev. Lett. **12**, 14 (1964).
22. Х. Р. Ростами, ПТЭ № 6, 95 (2004).
23. В. Н. Губанков, Х. Р. Ростами, ФТТ **43**, 1168 (2001).
24. Cao Xiaowen, Han Guchang, and Zhang Tingyu, Mod. Phys. Lett. B **1**, 383 (1988).
25. H. Dersch and G. Blatter, Phys. Rev. B **38**, 11391 (1988).
26. А. В. Безрядин, В. Н. Копылов, В. М. Краснов и др., Письма в ЖЭТФ **51**, 147 (1990).
27. *Высокотемпературные сверхпроводники*, под ред. Д. Нелсона, М. Уиттингема, Т. Джорджа, Мир, Москва (1988), гл.28.
28. Kh. R. Rostami, *25th Int. Conf. on Low Temperature Physics (LT 25)*, August 6–13, 2008, Leiden, Netherlands, Program and Abstracts, B1LT1286.
29. А. С. Красильников, Л. Г. Мамсурова, К. К. Пухов и др., ЖЭТФ **109**, 1006 (1996).
30. C. P. Bean, Rev. Mod. Phys. **36**, 31 (1964).
31. S. Senoussi, G. Aguilon, and S. Hadjoudj, Physica C **175**, 215 (1991).